

Рыжие собаки

Редьярд Киплинг

Именно после того, как джунгли вошли в деревню, для Маугли началась самая приятная часть его жизни. Он наслаждался спокойной совестью, как человек, только что уплативший долг; все в джунглях обращались с ним дружески и чуть-чуть боялись его. То, что он делал, то, что он видел и слышал во время своих блужданий от одного племени к другому со своими ли четырьмя товарищами или совсем один, составило бы множество рассказов, таких же длинных, как вот этот. Итак, вам никогда не скажут, как Маугли повстречался с безумным слоном из Мандлы, который, напав на обоз фур, запряжённых двадцатью двумя быками и нагруженных серебряными монетами для правительственного казначейства, убил быков и разбросал в пыли блестящие рупии; как он целую ночь бился с Джекалом, крокодилом, в северных болотах и сломал свой нож о роговые пластинки на спине этого чудовища; как нашёл новый и более длинный нож, который висел на шее человека, убитого диким кабаном; как выследил этого самого кабана и, в свою очередь, убил его, в уплату за нож; как однажды он чуть не погиб от голода, из-за передвижения оленей, которые едва не раздавили его, бросаясь из стороны в сторону; как он уберёг Хати Молчаливого от опасности провалиться в яму с колом и как на следующий день сам попал в очень хитрую леопардовую ловушку, и Хати разломал на куски толстые деревянные перекладки над его головой; как он доил диких буйволиц в болоте и как...

Но нам следует рассказывать по порядку, по одной истории. Родители волки умерли, и Маугли загородил большим камнем вход в родную пещеру и пропел погребальную песню; Балу сильно состарился, сделался неповоротлив, и даже Багира, нервы которой были твёрды, как сталь, а мускулы крепки, как железо, стала охотиться чуть-чуть медленнее прежнего. Акела уже был не серый волк; он сделался молочно-белым от старости; его рёбра выдавались и он двигался точно деревянный; Маугли убивал для него дичь. Но молодые волки, дети рассеянной стаи, процветали и множились, и когда их набралось около сорока, всех безначальных, громкоголосых пятигодовиков, Акела посоветовал им собраться вместе, начать следовать Закону и бегать под предводительством одного вожака, как это подобало Свободному Народу.

Этот вопрос совершенно не касался Маугли, потому что, как он говорил, ему однажды пришлось отведать горького плода, и он знал дерево, на котором этот плод вырастает, но когда Фао, сын Фаона, главного разведчика во дни главенства Акелы, добился согласно Закону Джунглей места вожака стаи и под звёздным небом снова зазвучали старинные призывы и старинные песни, Маугли ради прошлого согласился приходить к Скале Совета. Когда он говорил, стая ждала, выслушивая его до конца, и он сидел рядом с Акелой на скале немного ниже утёса Фао. Это были дни, в которые стая хорошо охотилась и крепко спала. Никто чужой не решался врываться в джунгли, принадлежавшие племени Маугли, как стая называла себя, и молодые волки толстели, набирались сил. Для осмотра приводили множество волчат. Маугли всегда присутствовал при осмотре и вспоминал ту ночь, в которую чёрная пантера купила бесшёрстого коричневого ребёнка, и протяжный возглас: «Смотрите, смотрите хорошенько, о волки», заставлял трепетать его сердце. В другое же время Маугли и его четыре брата уходили далеко в джунгли, пробовали, ощупывали новые вещи, разглядывали и обнюхивали их.

Раз в сумерки он бежал лёгким шагом, чтобы отдать Акеле половину убитого им оленя, а четыре волка трусили за ним, боролись между собой, опрокидывали друг друга, полные радости жизни. Вдруг Маугли услышал крик, неслышанный с недоброго времени Шер Хана. Такой крик в джунглях зовётся «фиал». Это неприятный визг шакала, который охотится позади тигра, его вопль перед началом огромной гзызни. Если вы способны представить себе выражение ненависти, торжества, страха, отчаяния вместе с оттенком чего-то вроде насмешки, всё слившееся в одном возгласе,

вы получите некоторое представление о том фиале, который то усиливался, то затихал, колебался, вздрагивая далеко за рекой. Четыре волка сразу остановились, ощетинились и заворчали. Рука Маугли взялась за нож; он тоже замер, кровь бросилась ему в лицо; он нахмурился.

– Ни один полосатый не смеет убивать здесь, – сказал он.

– Это не крик «предшественников», – ответил Серый Брат. – Идёт большая охота. Слушай.

Снова зазвучал вопль, не то рыдание, не то смех; казалось, будто у шакала были мягкие человеческие губы. Переведя дух, Маугли побежал к Скале Совета и по дороге обогнал волков из сионийской стаи. Фао и Акела, оба, сидели на скале; ниже помещались остальные, насторожившиеся, внимательные. Матери с волчатами убежали к своим логовищам; когда раздаётся фиал, слабым существам не время быть на открытом месте.

Ничего не было слышано, только Венгунга журчала и плескалась в темноте, да лёгкий вечерний ветер шелестел в вершинах деревьев; вдруг из-за реки раздался призыв волка. Он не принадлежал к стае, потому что все сионийские волки были около Скалы Совета. Вой превратился в продолжительный отчаянный лай; он говорил: «Долы! Долы! Долы, долы!» По скалам зацарапали усталые лапы, и очень худой волк с окровавленными боками, со сломанной передней лапой и с пеной у рта бросился в круг и, задыхаясь, лёг в ногах у Маугли.

– Хорошей охоты! Под чьим предводительством? – серьёзно спросил его Фао.

– Хорошей охоты! Я – Вон-толла, – слышался ответ.

Это значило, что израненный пришелец – одинокий волк, что он сам заботится о себе, что его подруга и детёныши скрываются в уединённой пещере, по обычаю многих волков юга. Вон-толла значит отщепенец, волк, отделившийся ото всех стай. Раненый задышался, и все видели, как от ударов сердца он качался то вперёд, то назад.

– Кто идёт? – спросил Фао (в джунглях всегда задают этот вопрос после того, как раздался фиал).

– Долы, долы, деканские долы! Рыжие собаки-убийцы! Они пришли с юга, говоря, что в Декане нет дичи, и по дороге убивают всё и всех. Когда эта луна была молода, я имел четверых близких, подругу и трёх волчат. Она

хотела научить их охотиться на травянистой низине, прятаться, чтобы выгонять оленя, как делаем всегда мы, жители открытых равнин. В полночь я услышал, как все они вместе воют по следу. Когда же подул ветер рассвета, я нашёл их окоченевшие трупы... Четверо! Свободный Народ, четверо было их при начале этой луны! Тогда я решил воспользоваться своим правом крови и отыскал долов.

– Сколько их? – быстро спросил Маугли. И волки стаи заворчали глубоким горловым звуком.

– Я не знаю. Три дола никогда больше не будут убивать дичи; остальные же гнали меня, как оленя; они гнали меня, а я убежал от них на трёх ногах. Смотри, Свободный Народ!

Он вытянул свою переднюю изуродованную лапу, потемневшую от запёкшейся крови. Его бока были жестоко искусаны; горло разорвано.

– Поешь, – сказал Акела, отстраняясь от мяса, которое ему принёс Маугли, и пришелец накинулся на остатки оленя.

– Ваше дело не пропадёт, – скромно сказал он, утолив свой первый голод. – Дайте мне набраться сил, и я тоже буду убивать. Ведь опустело моё логовище, которое было полно, когда с неба смотрела новая луна, и долг крови уплачен не вполне.

Фао услышал, как под зубами Вон-толлы хрустнула толстая кость оленьего бедра, и одобрительно проворчал:

– Нам понадобятся эти челюсти. С долами идут детёныши?

– Нет, нет! Одни рыжие охотники, взрослые, сильные, хотя они и едят ящериц.

Вон-толлы хотел сказать, что долы, рыжие собаки Декана, двигались ради охоты и убийства, а стая знала, что даже тигр уступает долам свою добычу.

Рыжие собаки несутся через джунгли, убивают всё на своём пути, разрывают зверей в клочья. Хотя долы не так крупны и далеко не так хитры, как волки, они очень сильны и многочисленны. Долы, например, называют себя стаями, только когда их наберётся не менее сотни; между тем сорок волков образуют уже настоящую стаю. Во время своих блужданий Маугли доходил до края высокого травянистого плоскогорья Декана: он видел, как

бесстрашные долы спали, играли между собой или почёсывались в маленьких впадинах, которые они считают своими логовищами. Он презирал и ненавидел их за то, что они пахли иначе, чем Свободный Народ, не жили в пещерах, главное же, за то, что между их пальцами росла шерсть, тогда как у него и у его друзей были чистые подошвы. Однако, со слов Хати, Маугли знал, как ужасна стая долов. Даже Хати сторонится их, и пока долы не бывают все перебиты, или дичи не становится мало они – идут вперёд.

Вероятно, Акела тоже кое-что знал о долах, потому что, обращаясь к Маугли, спокойно сказал:

– Лучше умереть среди стаи, нежели в одиночестве, без вожака. Предстоит хорошая охота и... последняя для меня. Однако ты проживёшь ещё много ночей и дней, Маленький Брат; люди живут долго. Иди на север, ложись, и, если после ухода долов кто-нибудь из нашей стаи останется в живых, он расскажет тебе о битве.

– А, – очень серьёзно ответил Маугли, – я должен уйти в болото, ловить мелких рыбок и спать на дереве? Или не лучше ли мне попросить помощи у Бандар-лога и, сидя в ветвях, щёлкать орехи, пока стая будет биться внизу?

– Придётся бороться насмерть, – произнёс Акела. – Ты никогда не встречался с долами, красными убийцами. Даже полосатый...

– Ой, ой! – запальчиво ответил Маугли. – Я убил одну полосатую обезьяну и нутром чувствую, что Шер Хан отдал бы на съедение долам свою собственную тигрицу, если бы он почуял их стаю вблизи. Слушай: на свете жил Волк, мой отец, и Волчица, моя мать. Жил также старый серый Волк (не слишком-то умный; он теперь белый), который был для меня и отцом и матерью. Поэтому я, – он возвысил голос, – я говорю, что когда долы придут (если придут), Маугли и Свободный Народ будут сражаться вместе. И клянусь выкупившим меня быком, в виде платы внесённой Багирой в старое время, которого не помните вы, волки нынешней стаи (прошу деревья и реку услышать и запомнить всё), в случае, если я забуду, да, клянусь, что вот этот мой нож послужит зубом стаи, и он не кажется мне слишком тупым! Вот какое слово сказал я, это моё слово.

– Ты не знаешь долов, человек с волчьим языком, – заметил Вон-толла. – Я хочу заплатить им мой долг крови раньше, чем они разорвут меня на многие части. Они двигаются медленно, убивая всё по дороге; через два дня ко мне вернётся немного прежней силы, и я пойду на них ради долга крови. Но

тебе, Свободный Народ, я советую уйти на север и жить впроголодь, пока долы не вернутся в Декан. Эта охота не даёт пищи.

– Послушай, Вон-толла, – со смехом сказал ему Маугли. – Значит мы, Свободный Народ, должны убежать на север, вырывать из-под речных берегов ящериц и крыс, чтобы как-нибудь случайно не встретить долов? Они опустошат места нашей охоты, мы же будем прятаться на севере до тех пор, пока они не соблаговолят отдать нам наши же джунгли. Долы – собаки, щенки собак, рыжие, желтобрюхие, бездомные псы с шерстью между пальцами! Дол рождает по шести и по восьми детёнышей, как Чикаи, маленькая прыгающая крыса (кабарганчик). Конечно, мы должны бежать, Свободный Народ, и просить у северных племён позволения подбирать объедки и падаль. Вы знаете поговорку: на севере – черви; на юге – слизни. Мы – джунгли. Сделайте выбор, о, сделайте! Это хорошая охота! Во имя стаи, во имя полной стаи, во имя логовищ и детёнышей; ради охоты дома и охоты вне дома, ради подруги, которая гонит лань, и ради маленького волчонка в пещере – вперёд! Вперёд! Вперёд!

Стая ответила одним глубоким громовым лаем, который прозвучал в ночи, точно грохот большого упавшего дерева.

– Идём! – крикнули волки.

– Оставайтесь с ними, – сказал Маугли своим четверым. – Нам понадобится каждый зуб. Фао и Акела подготовят всё к бою. Я же иду сосчитать собак.

– Но это смерть! – приподнимаясь, закричал пришелец. – Что может сделать бесшёрстый один с рыжими собаками? Даже полосатый, вспомните...

– Поистине ты – Вон-толла, – бросил ему Маугли через плечо, – но мы поговорим, когда долы будут убиты. Хорошей охоты вам всем.

Маугли ушёл в темноту; он был охвачен сильным волнением, и он плохо смотрел себе под ноги, а потому совсем неудивительно, что юноша натолкнулся на питона Каа, который лежал на оленьей тропинке близ реки; Маугли упал и растянулся во всю свою длину.

– Кшша, – сердито сказал Каа. – Так водится в джунглях – идут, шагают и уничтожают всю ночную охоту, главное, когда дичь подходила так хорошо...

– Я виноват, – поднимаясь, сказал Маугли. – Ведь я искал тебя, Плоскоголовый, но при каждой нашей встрече ты делаешься всё длиннее и

толще. В джунглях нет никого, подобного тебе, Каа, мудрый, старый, сильный и прекрасный Каа.

– Куда же ведёт эта тропа? – голос Каа звучал мягче. – Всего месяц тому назад человек с ножом бросал мне в голову камни и называл меня такими дурными именами, какими можно осыпать только маленькую дикую кошку, за то что я заснул на открытой поляне.

– Да, и разогнал оленей во все четыре ветра, а в то время Маугли охотился. Плоскоголовый был так глух, что не услышал свистка и не пожелал сойти с оленьей тропинки, – спокойно ответил Маугли и уселся между пятнистыми кольцами.

– А теперь этот самый человек приходит к тому же самому Плоскоголовому с нежными, льстивыми словами; называет его мудрым, сильным и красивым, и старый Плоскоголовый верит ему и устраивает вот такое удобное местечко для бьющего его камнями человечка и... Тебе так удобно? Скажи, разве Багира может предоставить тебе такое удобное ложе для отдыха?

Каа, по обыкновению, сделал из себя нечто вроде мягкого гамака для Маугли. Юноша в темноте съёжился на упругой, похожей на канат, шее Каа; голова же огромного питона легла на его плечо. Наконец Маугли рассказал змее обо всём, что произошло в джунглях в эту ночь.

– Может быть, я умён, – заметил Каа, – а глух наверняка; в противном случае я, конечно, услышал бы фиал. Неудивительно же, что травоядные беспокоятся. Сколько долов?

– Я ещё не видал их. Я прямо пришёл к тебе. Ты старше Хати. Но, о Каа, – тут Маугли завозился от радостного чувства, – будет славная охота! Немногие из нас увидят новую луну!

– Разве ты тоже хочешь биться? Помни, ты человек, помни также, что стая выгнала тебя. Пусть волки встретятся с собаками. Ведь ты-то человек.

– Прошлогодние орехи теперь чёрная земля, – сказал Маугли. – Правда, я человек, но сегодня ночью я назвал себя волком и попросил реку и деревья помнить об этом. Пока долы не уйдут, я один из Свободного Народа.

– Свободный Народ, – проворчал Каа. – Свободные воры! И ты запутал себя в смертельный узел, в память мёртвых волков? Это нехорошая охота.

– Я дал слово. Деревья знают это; река знает. Пока долы не уйдут, я не возьму назад своего слова.

– Нгшш! Ну, это тропинки другого рода! Я хотел было увести тебя с собой к северным болотам; но слово – хотя бы слово маленького обнажённого, бесшёрстого человечка – всегда слово. Теперь я, Каа, скажу...

– Подумай хорошенько, Плоскоголовый, чтобы тоже не запутаться в смертельный узел. От тебя мне не нужно слова; я хорошо знаю...

– Пусть так и будет, – сказал Каа. – Я не дам слова. Но что ты будешь делать, когда придут долы?

– Они должны переплыть через реку. Я думал вместе со стаей встретить их моим ножом в мелкой воде. Ударяя лезвием и раскидывая этих собак, мы могли бы повернуть их вниз по течению или охладить им пасти.

– Долы не отступят, и пасти им не охладить, – ответил Каа. – По окончании боя не останется ни человека, ни детёныша волка, а будут валяться только голые кости.

– Алала! Если мы умрём, так умрём. Это будет отличная охота. Но мой желудок молод, и я видел немного дождей. Я не мудр и не силен. Придумал ты что-нибудь лучше, Каа?

– Я видел сотню и ещё сотню дождей. Раньше, чем Хати сбросил свои молочные бивни, от меня в пыли оставался большой след. Клянусь первым яйцом, я старше многих деревьев и видел всё, что делали джунгли.

– Но это новая охота, – заметил Маугли. – До сих пор долы никогда не пересекали нашего пути.

– Всё, что есть – бывало и прежде. То, что будет – только новое рождение ушедших лет. Помолчи, пока я сочту мои года.

Долгий час Маугли лежал среди колец питона, а Каа, опустив голову на землю, думал обо всём, что он видел, о чём слышал с того дня, как вылупился из кожуры яйца. Свет в его глазах померк; они теперь походили на мутные опалы; время от времени питон делал лёгкие, резкие движения

головой то вправо, то влево, точно охотясь во время сна. Маугли спокойно дремал; он знал, что выспаться перед охотой очень хорошо, и привык засыпать в любой час дня или ночи.

Вдруг Маугли почувствовал, что спина Каа, на которой он лежал, стала больше, шире; питон надулся и зашипел со звуком меча, который вынимают из стальных ножен.

- Я видел все умершие года, - наконец сказал Каа, - и большие деревья, и старых слонов, и скалы, которые были обнажены и остры, прежде чем поросли мхом. Ты ещё жив, человечек?

- Луна недавно села, - ответил Маугли. - Я не понимаю...

- Хшш! Я опять Каа. Я знал, что прошло немного времени. Теперь пойдём к реке, и я покажу тебе, как защититься от долов.

Он повернулся, прямой, как стрела, двинулся к главному руслу Венгунги и погрузился в неё немного выше той заводи, которая скрывала Скалу Мира. Маугли был рядом с ним.

- Нет, не плыви. Я двигаюсь быстро. Ко мне на спину, Маленький Брат.

Маугли обнял левой рукой шею Каа, прижал правую к своему телу и вытянул ноги. Каа поплыл навстречу течению, как мог плыть только он один; рябь разрезанной воды окружила бахромой шею Маугли, а его ноги раскачивались в разные стороны под хлещущим телом питона. Мили на две выше Скалы Мира река сужается в ущелье между мраморными стенами, высотой от восьмидесяти до сотни футов. Там она несётся, точно из мельничной плотины, между уродливыми камнями, иногда прыгает и переливается через них. Но перекаты и пороги не смущали Маугли; в мире было мало воды, которая могла хоть на одно мгновение испугать его. Он смотрел то на одну, то на другую стену ущелья и беспокойно нюхал воздух; ощущал кисло-сладкий запах, очень напоминавший испарение от муравейника в жаркий день. Юноша инстинктивно опустил в воду, и только время от времени поднимал голову, чтобы подышать. Вот Каа два раза захлестнул хвостом затонувшую скалу, обвив Маугли одним кольцом. А вода неслась мимо них.

- Это место смерти, - сказал Маугли. - Зачем ты принёс меня сюда?

- Они спят, - ответил Каа. - Хати не уступает дороги полосатому. Между тем

Хати и полосатый сторонятся долов, а, по их словам, доли не поворачивают ни перед чем. От кого поворачивает вспять Маленький Народ скал? Скажи мне, господин джунглей, кто господин джунглей?

- Вот эти, - прошептал Маугли. - Это место смерти. Уйдём.

- Нет, смотри хорошенько; они спят. Здесь всё осталось в том виде, как в те времена, когда я был не длиннее твоей руки.

Расщеплённые и выветрившиеся скалы ущелья с самого начала джунглей служили приютом для Маленького Народа Скал - хлопотливых, свирепых, чёрных диких пчёл Индии, и, как Маугли отлично знал, все звериные тропинки поворачивали в сторону за милю от этого ущелья. В течение многих столетий Маленький Народ устраивал здесь свои соты, перелетал роями из одной расщелины в другую, опять выпускал рои, оставляя на белом мраморе пятна застарелого мёда; строил свои большие и толстые соты в темноте глубоких пещер, где ни человек, ни зверь, ни огонь, ни вода никогда не касались их. Всё протяжении ущелья с обеих сторон было увешено как бы чёрными, мерцающими бархатными занавесами и, глядя на них, Маугли нырял в воду, потому что занавесы эти состояли из миллионов сцепившихся между собой спящих пчёл. Виднелись также какие-то обломки, фестоны; древесные стволы, державшиеся корнями за стены скал; старые соты прежних лет или новые пчелиные города, выстроенные в тени безветренного ущелья; огромные скопления губчатого, истлевшего мусора, который свалился сверху и застрял между деревьями и лианами, прижимавшимися к отвесным скалам. Прислушиваясь, Маугли не раз улавливал, как отягчённые мёдом соты шелестели и скользили, переворачиваясь и падая, где-то в тёмных галереях; потом раздавалось сердитое жужжание крыльев и мрачное кап, кап, кап погибшего мёда, который сочился по камням, пока не останавливался на каком-нибудь выступе на открытом воздухе и стекал медленными струйками по ветвям. С одной стороны реки была маленькая отмель шириной всего в пять футов, и на ней лежала высокая груда хлама, скопившегося за неисчислимое количество лет. Он состоял из мёртвых пчёл, трутней, пыли, старых сотов и крыльев ночных бабочек-грабителей, которые залетели в это место за мёдом; и всё это превратилось в холмы из мельчайшей чёрной пыли. Уже один острый запах, который поднимался от этого хлама, мог испугать всякое бескрылое существо, знавшее, что такое Маленький Народ.

Каа снова поплыл против течения и наконец достиг песчаной мели в начале

ущелья.

- Вот охота этого года, - сказал он. - Смотри!

На берегу лежали скелеты двух молодых оленей и буйвола, и Маугли сразу увидел, что ни волк, ни шакал не трогали этих костей, которые лежали в самом естественном положении.

- Они перешли через границу; они не знали Закона, - прошептал Маугли, - и Маленький Народ убил их. Уйдём, пока это племя не проснулось.

- Оно не проснётся до зари, - сказал Каа. - Теперь слушай, я расскажу тебе одну вещь. Много-много дождей тому назад сюда с юга прибежал спасавшийся от преследования олень; он не знал джунглей, и за ним гналась волчья стая. С помутившимися от страха глазами он соскочил с утёса, так как волки уже догоняли его; разгорячённые преследованием, они ничего не замечали. Солнце стояло высоко, и многочисленный Маленький Народ чувствовал сильный гнев. Некоторые волки кинулись в реку, но умерли, ещё не достигнув воды. Не соскочившие со скал тоже умерли там, вверху. Олень же остался жив.

- Почему?

- Потому что он прибежал первый, спасаясь от смерти, потому что он прыгнул раньше, чем Маленький Народ заметил его и собрался для убийства. А вся преследовавшая оленя стая совершенно исчезла под тяжестью Маленького Народа.

- Олень остался жив, - медленно повторил Маугли.

- По крайней мере, он не умер в то время; однако никто не явился, чтобы поддержать его в реке, как один старый, толстый, глухой, жёлтый Плоскоголовый явился бы, чтобы спасти своего человечка... Да, да, хотя бы по следу этого человечка бежали все долы из Декана. Что ты думаешь? - Голова Каа прижалась к уху Маугли, и юноша ответил.

- Смело задумано; это всё равно, что дёрнуть смерть за усы; но, Каа, ты действительно мудрее всех в джунглях.

- Многие говорят это. Теперь подумай: если долы побегут за тобой...

– Конечно, побегут, ха, ха! У меня под языком много маленьких колючек, которые я хотел бы вколоть в их головы.

– Если они побегут за тобой, разгорячённые и ослеплённые злобой, глядя только на твои плечи, те из них, которые не умрут вверху, кинутся в воду, или здесь, или ниже, потому что Маленький Народ поднимется и покроет их. А ты знаешь, эта река – река жадная, и у них не будет Каа, который бы поддержал их; значит, оставшиеся в живых помчатся вниз по течению, к мелям подле ваших логовищ, а там твоя стая может встретить их и схватить за горло.

– Ахаи! Лучше ничего не придумаешь, хоть ломай голову до той поры, когда в сухое время года польются дожди. Всё дело только в том, чтобы вовремя добежать до скал и прыгнуть. Я покажу себя долам; пусть они гонятся за мной по пятам.

– А ты осмотрел скалы? Со стороны земли?

– Нет, нет; вот это-то я и забыл.

– Поди и посмотри; там мягкий грунт, весь изрытый, в ямах. Если твоя неуклюжая нога ступит неосмотрительно – конец охоте! Я оставлю тебя здесь и, только ради тебя, отнесу известие стае, чтобы твой народ знал, где ожидать долов. Но лично я не вожусь ни с одним волком.

Когда питону Каа не нравился кто-нибудь из его знакомых, он бывал неприятнее всех остальных жителей джунглей, за исключением, впрочем, одной Багиры. Он поплыл по течению и против Скалы Совета натолкнулся на Фао и Акелу; они сидели, прислушиваясь к ночным шумам.

– Кшш! Слушайте, собаки, – весело сказал им Каа. – Долы появятся по течению. Если вы не струсите, вам представится случай перебить их среди мелей.

– Когда они явятся? – спросил Фао.

– А где мой детёныш человека? – спросил Акела.

– Явятся, когда явятся, – ответил Каа. – Смотри и жди. Что же касается твоего человеческого детёныша, с которого ты взял слово и таким образом обрёк его на смерть, твой детёныш со мною, и если он ещё не умер, то совсем не по твоей вине, выгоревшая собака! Жди здесь долов и радуйся,

что человеческий детёныш и я на твоей стороне.

Каа понёсся против течения и зацепился хвостом за камень посреди ущелья, поглядывая вверх на утёсы. Вот он увидел, как на фоне звёзд двигалась голова Маугли, потом что-то просвистело в воздухе и раздался резкий, ясный звук тела, падающего ногами вперёд в воду. В следующую минуту юноша уже безмятежно отдышал, обвитый петлёй гибкого тела Каа.

– Клянусь ночью, что это за прыжок? – спокойно заметил Маугли. – Я, ради забавы, соскакивал с гораздо более высоких скал. Но там, вверху, скверное место – низкие кусты, очень глубокие рытвины, переполненные Маленьким Народом. Я положил друг на друга большие камни подле трёх рвов и на бегу сброшу их ногами; Маленький Народ поднимется позади меня, раздражённый, гневный...

– Это человечья речь и хитрость, – сказал Каа. – Ты умён, но ведь Маленький Народ постоянно сердится.

– Нет, в сумерках все крылья отдыхают. Я заведу мою игру с долами как раз в сумерки; тем более что красные собаки лучше всего охотятся днём. Они теперь идут по кровавому следу Вон-толлы.

– Коршун Чиль не оставляет мёртвого быка, а долы не бросят кровавого следа, – заметил Каа.

– В таком случае, я постараюсь сделать для них новый кровавый след из их же собственной крови и накормить их грязью. Ты останешься здесь, Каа, и дождётся, чтобы я вернулся сюда с моими долами? Да?

– Да, но что, если они убьют тебя в джунглях или если Маленький Народ покончит с тобой раньше, чем ты успеешь прыгнуть в реку?

– Когда наступит завтра, мы будем охотиться для завтрашнего дня, – ответил Маугли поговоркой джунглей и прибавил: – Когда я умру, придёт время спеть погребальную песню. Хорошей охоты, Каа.

Маугли выпустил из рук шею питона и поплыл вдоль ущелья, точно чурбан в ручье, направляя руками своё тело к отдалённой мели; там он увидел стоячую воду и засмеялся от счастья. Больше всего в мире Маугли любил, как он выражался, «дёргать смерть за усы» и показывать зверям джунглей, что он их главный повелитель. Юноша часто, с помощью Балу, обкрадывал пчелиные рои в отдельных деревьях и отлично знал, что Маленький Народ

ненавидит запах дикого чеснока. Итак, Маугли собрал маленький пучок этих растений, связал их полоской коры и пошёл по следу Вон-толлы, который бежал к югу от сионийских логовищ; так Маугли прошёл пять миль; он постоянно склонял голову набок, поглядывал на деревья и посмеивался.

– Я был прежде Маугли-лягушка, – говорил он себе: – Маугли-волком назвал я себя. Теперь я должен побыть Маугли-обезьяной, прежде чем сделаюсь Маугли-оленом. В конце концов я стану Маугли-человеком. Хо! – и он провёл большим пальцем вдоль восемнадцатидюймового лезвия своего ножа.

След пришельца, весь усеянный тёмными кровавыми пятнами, бежал через лес из могучих деревьев, которые росли близко друг от друга; он направлялся к северо-востоку, и, по мере приближения к Пчелиным Скалам, постепенно сужался. От последнего дерева леса до низких кустарников Пчелиных Скал тянулась открытая местность, где с трудом мог бы укрыться хотя бы один волк. Маугли бежал мелкой рысью; измерял на глаз расстояния между различными ветвями, время от времени поднимался на дерево, для пробы перепрыгивал с одного ствола на другой, наконец вышел на открытую местность и целый час внимательно изучал её. Потом он вернулся к исходной точке следа Вон-толлы, поднялся на дерево и сел на его большой боковой сук, на высоте восьми футов от земли. Юноша сидел тихо, точил нож о подошву своей ноги и тихо пел про себя.

Незадолго до полудня, когда солнце особенно припекало, он услышал топот ног и почувствовал отвратительный запах стаи долов; рыжие собаки безжалостно бежали по следу Вон-толлы. Если смотреть на дола со спины, он кажется в половину меньше волка, но Маугли знал, как сильны ноги и челюсти этих животных. Юноша посмотрел на серую голову вожака, который обнюхивал след, и крикнул ему «хорошей охоты».

Зверь поднял голову; его товарищи остановились позади него; стаю составляли несколько десятков рыжих собак с поджатыми хвостами, широкими плечами, слабыми задними ногами и окровавленными пастями. В общем, долы очень молчаливое племя, и даже в собственных джунглях не отличаются вежливостью. Ниже Маугли, вероятно, собралось двести долов, и он видел, что вожаки жадно обнюхивали след Вон-толлы, стараясь увлечь вперёд стаю. До этого не следовало допускать, потому что тогда долы могли бы пробежать к логовищам при ярком свете дня, а Маугли хотел задержать их под своим деревом до сумерек.

– Кто позволил вам прийти сюда? – спросил Маугли.

– Все джунгли – наши джунгли, – был ответ, и дол, который сказал это, оскалил свои белые зубы.

Маугли посмотрел вниз, улыбнулся и зацокал, как Чикаи, прыгающая деканская крыса; этим он хотел показать долам, что считает их не лучше крыс. Стая рыжих собак сгрудилась около дерева, и вожак с ожесточением залаял, называя Маугли древесной обезьяной. В ответ Маугли вытянул одну из своих обнажённых ног и стал крутить ею как раз над головой вожака. Этого было достаточно, больше чем достаточно, чтобы пробудить в стае бессмысленную ярость. Звери с шерстью между пальцами ненавидят, чтобы им напоминали об этом. Маугли поджал ногу в ту минуту, когда вожак подскочил. Юноша нежно сказал ему:

– Собака, рыжая собака! Вернись, вернись в Декан и кушай ящериц. Иди к Чикаи, твоему брату. Собака, собака! Рыжая, рыжая собака! Между твоими пальцами шерсть! – И он ещё раз повертел ногой.

– Спускайся, безволосая обезьяна, не то мы заморим тебя голодом, – провыла стая, а этого-то именно и хотел Маугли.

Он прополз по ветке, прижимаясь щекой к коре, и освободил свою правую руку, потом сказал долам всё, что он знал, главное же, всё, что он думал о них, о их обычаях, нравах, об их подругах и детёнышах. В мире нет более едких и колких слов, как те выражения, которые употребляют жители джунглей, чтобы показать своё презрение и пренебрежение. Подумав, вы сами увидите, что иначе и быть не может. Как Маугли сказал Каа, у него под языком было множество мелких колючек, и он постепенно и умышленно вывел долов из молчания, заставил их ворчать, потом превратил это ворчание в вой, а вой в хриплый, рабский, бешеный рёв. Они пытались было отвечать насмешками на насмешки, но с таким же успехом маленький детёныш мог бы стараться парировать оскорбления раздражённого Каа. Всё это время правая рука Маугли прижималась к его боку, готовая начать действовать; ногами же он обвивал большой сук. Крупный коричневый вожак несколько раз подскакивал в воздух, но Маугли не решался ударить его, боясь промахнуться. Наконец, гнев прибавил дополнительную силу долу, и он подскочил на семь или восемь футов от земли. Мгновенно рука Маугли опустилась, точно голова древесной змеи, схватила вожака за шиворот, и большой сук дрогнул от лишней тяжести; от этого толчка Маугли

чуть было не свалился на землю. Но он не разжал руки и дюйм за дюймом стал поднимать зверя, который висел, точно удушенный шакал. Лёвой рукой Маугли достал нож, отрезал рыжий пушистый хвост дола и кинул дику собаку на землю.

Только этого он и хотел. Теперь стая ни за что бы не пошла по следу Вонтоллы, пока не убила бы Маугли, или пока Маугли не убил бы всех долов. Вот они уселись в кружок, их задние лапы вздрагивали, и Маугли понял, что они собираются остаться на этом месте. Итак, юноша взобрался повыше, прислонился спиной к стволу дерева и заснул.

Часа через три или четыре он проснулся и сосчитал стаю. Все долы были налицо, молчаливые, шершавые, с сухими пастями и с глазами жёсткими, как сталь. Солнце садилось. Через полчаса Маленький Народ Скал должен был окончить свои работы, а как вам известно, в сумерки долы дерутся не так-то хорошо.

– Мне не нужно было таких верных караульщиков, – вежливо сказал Маугли, становясь на ветке, – но я запомню это. Вы истинные долы, хотя на мой вкус – слишком однообразны. А потому я не отдам хвоста крупному поедателю ящериц. Разве ты не доволен, рыжий пёс?

– Я сам распорю тебе живот! – проревел вожак, царапая лапами ствол дерева.

– Подумай-ка, мудрая деканская крыса. Появится много маленьких бесхвостых рыжих щенят; да, щенят с красными обрубками, которые будут зудеть, когда накалится песок. Ступай домой, красный пёс, и расскажи, что с тобой сделала обезьяна. Не желаете уходить? Ну, так пожалуйста со мной, и я научу вас мудрости.

Маугли с ловкостью одного из племени Бандар-лога перепрыгнул на соседнее дерево, потом на следующее, и так далее; а стая долов бежала за ним; рыжие собаки поднимали свои голодные морды. Время от времени Маугли делал вид, будто он падает, тогда долы прыгали друг через друга, торопясь покончить с ним. Это была любопытная картина: юноша с ножом, блестящим в косых солнечных лучах, скользил между верхними ветвями, молчаливая стая взволнованных рыжих зверей, толпясь, бежала позади него. На последнем дереве Маугли взял чеснок, старательно натёр им всё своё тело, и долы завывали с презрением.

– Не хочешь ли ты, обезьяна с волчьим языком, скрыть свой след? – спросили они. – Мы будем гнать тебя до смерти.

– Вот твоё имущество, бери! – крикнул Маугли и швырнул отрезанный хвост назад в лес. Стая инстинктивно кинулась за хвостом. – А теперь гони меня до смерти, – прибавил юноша.

Маугли скользнул по стволу, спустился на землю, и босые ноги юноши с быстротой ветра понесли его к Пчелиным Скалам раньше, чем долы сообразили, что он собирается делать.

Стая разразилась одним коротким глухим воем, и в то же время рыжие собаки понеслись качающимися прыжками, не особенно быстрыми, но которыми долы могут в конце концов загнать до смерти любое существо. Маугли знал, что они бегают значительно медленнее волков, не то он не решился бы бежать две мили на виду у них. Долы считали, что юноша в их власти; он же был уверен, что может распоряжаться ими, как ему вздумается. Вся его забота заключалась в том, чтобы поддерживать в долах достаточное раздражение, которое не позволило бы им повернуть слишком рано. Он бежал спокойно, ровно, упруго; бесхвостый вожак был всего в пяти ярдах от него, а стая растянулась приблизительно на четверть мили. Звери были ослеплены злобой и жадой убийства. Маугли прислушивался и старался сохранять прежнее расстояние от вожака, приберегая свои последние усилия для окончательного бега через Пчелиные Скалы.

Маленький Народ заснул среди ранних сумерек; в это время года не цвели поздние цветы; однако, когда первые шаги Маугли глухо застучали, он услышал странный звук; казалось, зажужжала вся земля. Юноша побежал так, как он ещё никогда не бегал в жизни, и столкнул одну, другую, третью груды камней в тёмные, сладко пахнущие расщелины; слышался рёв, похожий на рёв моря в пещере. Мельком Маугли увидел, как позади него потемнел воздух; внизу же, далеко перед ним, блеснула река, и он разглядел в воде плоскую, ромбическую голову. Бесхвостый дол изо всех сил прыгнул вперёд, и его зубы лязгнули подле самого плеча Маугли, но он упал в реку ногами вперёд; он задышался и торжествовал. В нём не засело ни одного жала; чесночный запах отогнал пчёл на те несколько секунд, в течение которых он был среди тучи пчёл. Когда Маугли поднялся, кольца Каа обвивали его. Что-то падало через края утёсов; казалось, это были огромные груды сцепившихся между собой пчёл, груды, летевшие вниз, подобно султанам из перьев; тем не менее, раньше чем такой клубок

касался воды, пчёлы снова поднимались, а тело дола, вертясь, уплывало по течению. Маугли и Каа слышали бешеный короткий вой, который тонул в рёве, похожем на грохот прибой – в звуке крыльев Маленького Народа Скал.

Некоторые из долов также упали в расщелины, сообщавшиеся подземными пещерами, задыхаясь там, бились, лязгали зубами, срывая с места соты, и умирали под миллионами пчёл; некоторые выскакивали из какого-нибудь отверстия в скале, выходявшей на реку, и падали на чёрный мусор; некоторые, сделав короткие прыжки, попадали в ветви деревьев, росших на стенах скал, и их тела исчезали под массами пчёл; самое же большее число рыжих собак, обезумев от укусов, бросались в реку, а, как говорил Каа, Венгунга была жадная вода.

Каа держал Маугли, пока юноша не отдышался.

– Нам нельзя оставаться здесь, – сказал питон. – Маленький Народ совсем развоевался. Плывём.

Маугли плыл почти под водой, постоянно нырял, держа в руках нож.

– Спокойнее, спокойнее, – сказал Каа. – Один зуб не может убить сотни, если только это не зуб кобры; а ведь завидев, что Маленький Народ просыпается, многие живые и здоровые долы бросились в воду.

– Тем больше пороботает мой нож. Фу! Как Маленький Народ мчится за нами! – Маугли снова нырнул. Над поверхностью воды расстилалась пелена из диких пчёл, которые мрачно жужжали и жалили всех и всё, что встречалось им.

– Молчание никогда никому не приносило вреда, – заметил Каа (ни одно жало не могло проникнуть через его чешую), и для охоты у тебя есть целая ночь. Слышишь, как они воют?

Очень многие долы видели, в какую ловушку попали их товарищи и, сделав поворот, кинулись в воду там, где ущелье окаймляли крутые берега. Их раздражённый рёв, их угрозы «древесной обезьяне», которая навлекла на них позор, смешивались с воплями и ворчанием их израненных Маленьким Народом товарищей. Оставшимся на берегу грозила смерть, и каждый дол знал это. Течение влекло многих рыжих собак к Заводи Мира, но и там злобный Маленький Народ преследовал их и загонял обратно в воду. Маугли слышал голос бесхвостого вожака, который приказывал своим подчинённым убить всех волков сионийской стаи. Но юноша не терял времени на

подслушивание.

– В темноте позади нас убивают! – прокричал один дол. – Здесь окровавленная вода.

Маугли несколько мгновений плыл под водой, как выдра, схватил одного дола, увлёк его в глубину и ударил ножом раньше, чем тот успел открыть пасть; тёмные кольца поднялись на поверхность, когда всплыло тело убитого рыжего зверя. Долы попробовали было повернуть, но течение помешало им сделать это, а Маленький Народ жалил их в головы и уши, и в сгущавшейся темноте они слышали звучащий всё громче вызов сионийской стаи. Маугли опять нырнул; ещё один дол ушёл под воду, поднялся мёртвый, и снова в задних рядах стаи рыжих собак раздались взволнованные крики; одни долы выли, что лучше выйти на берег; другие просили своего вожака увести их обратно в Декан; некоторые кричали Маугли, чтоб он показался, и они могли убить его.

– Они приходят драться с двумя желудками и несколькими голосами, – заметил Каа. – Передовые псы – с твоими братьями, Маленький Народ улетает спать. Он долго преследовал нас. Теперь я тоже вернусь; ведь у меня нет общей кожи ни с одним волком. Хорошей охоты, Маленький Брат, и помни, что долы кусают сильно.

Вдоль по берегу бежал трёхногий волк, который сновал то туда, то сюда, прижимаясь одной стороной головы к земле, выгибал спину и время от времени высоко подпрыгивал, точно играя с маленькими волчатами. Это был Вон-толла, пришелец; он молчал, но продолжал свою странную игру, напрягая все силы, чтобы не отставать от пливших долов. Рыжие собаки долго пробыли в воде и теперь плыли с трудом; их шерсть намокла. Тяжёлые пушистые хвосты долов, как губки, тянули их вниз; звери до того устали, до того были потрясены, что не издавали ни звука и только внимательно вглядывались в два пылающие глаза, которые блестели на берегу.

– Плохая охота, – задыхаясь, сказал один из них.

– Нет, отличная, – возразил Маугли, поднимаясь на поверхность подле рыжего пса. Его нож взвился, вонзился позади плеча дола, а сам он откинулся в сторону, спасаясь от зубов умирающего врага.

– Это ты, человеческий детёныш? – крикнул с берега Вон-толла.

– Спроси об этом убитых, пришелец, – ответил Маугли. – Разве река не принесла ни одного дола? Я заткнул грязью пасти этих собак; при ярком дневном свете я обманул их; их вожак лишился хвоста, но на твою долю всё-таки осталось несколько штук. Куда подогнать их?

– Я подожду, – сказал Вон-толла. – У меня целая ночь.

Вой и лай сионийской стаи приближались.

– За стаю, за всю стаю! – раздавались возгласы волков.

И вот, проплыв по излучине реки, долы очутились среди песчаных отмелей и мелкой воды против сионийских логовищ.

В эту минуту рыжие собаки поняли свою ошибку. Им следовало выйти на берег ещё за милю до этого места и напасть на волков с суши. Но теперь было поздно. Берег усеивали горящие глаза; в джунглях стояла мёртвая тишина; раздавался только ужасный фиал, не смолкавший со времени заката. Казалось, будто Вон-толла старался выманить долов на берег.

– Повернитесь и держитесь крепко! – сказал вожак рыжих псов.

Долы кинулись к берегу и рассеялись по мелкой воде; поверхность реки вспенилась, заволновалась, и от одного берега к другому побежала крупная рябь, похожая на след, остающийся после большой лодки. Маугли кинулся за своими врагами, он колот и резал сбившихся в кучку долов, которые одной волной неслись по отмели реки.

Начался продолжительный бой. Раздавался рёв; битва то разгоралась, то ослабевала; борьба происходила повсюду, на влажном красном песке, в кустах и на травянистых полянах. На одного волка приходилось по два дола. Зато дрались все волки, составлявшие стаю; не только короткие, высокие, широкогрудые охотники с белыми клыками, но и волчицы с тревожными глазами, которые сражались ради своих детёнышей; попадались и годовалые волчата, ещё не сбросившие с себя первого пушка, которые бились рядом со своими матерями. Вам надо знать, что волк всегда хватается за горло или кусает за бок, дол же, по большей части, бросается на живот; поэтому, когда рыжие собаки выходили из воды, поднимая головы, преимущество было на стороне волков. На суше же волки страдали. Но и в

воде, и на берегу нож Маугли мелькал без остановки. Его Четверо пробились к нему. Серый Брат сжался между коленями юноши, защищая его живот; остальные трое охраняли его спину и бока. Когда удар воющего дола сбивал с ног Маугли, его братья становились над ним. Всё остальное смешалось в кучу; это была сомкнутая, метавшаяся толпа, которая двигалась вдоль берега, справа налево и слева направо, а также постоянно медленно вращалась вокруг собственной оси. То вздымался холм, точно водяной пузырь в водовороте, и рассыпался тоже, как водяной пузырь, выбрасывая четверых-пятерых искалеченных рыжих собак, которые старались снова попасть в центр; то волк вытаскивал из толпы вцепившегося в него дола; то два дола вытягивали волка и загрызали его; тут годовалый мёртвый волк, сжатый со всех сторон, поднимался над толпой, а его обезумевшая от немой ярости мать, лязгая зубами, каталась и рвала врагов; там, в середине самой гущи сражающихся волк и дол, забыв обо всём остальном, старались схватить друг друга за горло, но толчки других свирепых бойцов отбрасывали их в разные стороны. Раз Маугли встретил Акелу; два дола напали на него, а далеко не беззубые челюсти Одинокого Волка сжимали ляжку третьего; потом юноша увидел Фао, который запустил свои зубы в шею дола и тащил сопротивлявшегося зверя, чтобы предоставить однолеткам покончить с ним. Главная часть битвы представляла из себя какой-то невероятный хаос, смешение во мраке; всё сливалось воедино: удары, прыжки, стоны, короткий лай, суета; всё кружилось вокруг Маугли, позади него, впереди, над ним, повсюду. Ночь проходила; быстрое головокружительное движение усиливалось; долы боялись нападать на самых сильных волков, однако не решались и обратиться в бегство. Маугли чувствовал, что подходит конец, и бил долов так, чтобы только калечить их. Годовалые волки становились смелее; время от времени можно было перевести дыхание, перекинуться словом с другими, и порой одного блеска ножа бывало достаточно, чтобы дол отскочил.

– Скоро из-под мяса покажется кость! – провыл Серый Брат.

Он был весь покрыт кровью, лившейся из множества неглубоких ран.

– А всё-таки ещё остаётся разгрызть кость, – ответил ему Маугли. – Эовава! Вот как действуем мы в джунглях.

И красное лезвие, точно пламя, скользнуло вдоль дола, задние ноги которого скрывались под телом большого волка.

– Это моя добыча, – сморщив ноздри, фыркнул этот волк. – Предоставь его

мне.

– Разве у тебя в желудке всё ещё пусто, пришелец? – спросил Маугли.

Вон-толла был страшно изранен, тем не менее его зубы парализовали дола, который не мог повернуться и дотянуться до него.

– Клянусь быком, который купил меня, – с недобрый смехом сказал Маугли, – это бесхвостый!

И действительно, Вон-толла держал крупного, тёмного вожака.

– Неблагоразумно убивать детёнышей и волчиц, – продолжал Маугли, отирая рукой кровь со своих глаз, – в таком случае следовало убить также и пришельца, и, мне кажется, Вон-толла тебя убивает.

Один дол кинулся на помощь к своему вожаку, но раньше, чем его зубы схватили Вон-толла за бок, нож Маугли полоснул его по горлу, а Серый Брат dokonчил дело.

– Вот как делается у нас в джунглях, – сказал Маугли.

Вон-толла не ответил; челюсти пришельца всё сильнее сжимали спинной хребет вожака, но его собственная жизнь убывала. Дол вздрогнул; его голова опустилась; он перестал двигаться; Вон-толла упал на него.

– Хо! Долг крови уплачен, – сказал Маугли. – Спой песню Вон-толла.

– Он перестал охотиться, – ответил Серый Брат. – Да и Акела что-то уж долго молчит.

– Кость перегрызена! – прогремел Фао, сын Фаона. – Они убегают, кончайте, кончайте с ними, охотники Свободного Народа!

Один за другим долы уходили с этих тёмных и окровавленных песков в реку, в чащи джунглей, вверх или вниз по течению, спеша туда, где был свободен путь.

– Долг! Долг! – закричал Маугли. – Уплатите долг! Они убили Одинокого Волка! Не позволяйте ускользнуть ни одной собаке.

С ножом в руке юноша мчался к окраине берега, чтобы остановить всякого дола, который решится войти в воду; в это время из-под груды девяти убитых рыжих собак показалась голова Акелы и его передние лапы. Маугли

опустился на колени подле Одинокого Волка.

– Ведь я же говорил, что это будет мой последний бой, – задыхаясь, прошептал Акела. – Это отличная охота. А ты, Маленький Брат?

– Я жив и убил многих.

– Да. Я умираю, и мне хотелось бы... хотелось бы умереть подле тебя, Маленький Брат.

Маугли положил страшно израненную голову Акелы к себе на колени и обвил руками его разорванную шею.

– Давно прошли старые дни Шер Хана, когда человеческий детёныш валялся в пыли.

– Нет, нет, я волк. У меня одна кожа со Свободным Народом! – с жаром произнёс Маугли. – Я не хочу быть человеком.

– Ты человек, Маленький Брат, – сказал Акела. – Ты человек, в противном случае, стая разбежалась бы перед нападением долов. Я обязан тебе жизнью, а сегодня ты спас и стаю, как я однажды спас тебя. Разве ты забыл? Теперь все долги заплачены. Иди к своему племени. Повторяю тебе, глаз моего глаза, эта охота окончена. Иди к своему племени.

– Никогда не уйду; я буду охотиться в джунглях. Ведь я же говорил это.

– После лета наступают дожди, после дождей приходит весна. Вернись к своим раньше, чем тебя прогонят.

– Кто прогонит меня?

– Маугли прогонит Маугли. Вернись к своим! Иди к людям.

– Когда Маугли прогонит Маугли, я уйду, – ответил юноша.

– Теперь всё сказано, – произнёс Акела. – Можешь ли ты, Маленький Брат, поднять меня на ноги? Ведь я тоже был вожаком Свободного Народа.

Очень осторожно Маугли снял с Акелы трупы и, нежно обняв обеими руками умирающего, поставил его на ноги. Одинокий Волк глубоко вздохнул и начал Песню Смерти, которую вожак стаи должен петь, умирая. Его голос крепчал, возвышался, звенел, пролетая через реку. Наконец Акела дошёл до последнего возгласа: «Хорошей охоты!» Он освободился из объятий Маугли,

высоко подпрыгнул и упал на свою последнюю и страшную добычу, на убитых им долов.

Последние из обратившихся в бегство долов были настигнуты и перебиты безжалостными волчицами; но Маугли ничего не замечал, ни на что не обращал внимания; он сидел, опустив голову на колени. Мало-помалу шум и вой затихли; волки, хромая, с запёкшимися ранами вернулись назад, чтобы сосчитать потери. Пятнадцать охотников и шесть волчиц лежали мёртвые подле реки; остальные же, все без исключения, были ранены. Маугли всё сидел неподвижно, сидел до самого холодного рассвета. Вот влажная окровавленная морда Фао опустилась на его руку; Маугли отодвинулся, чтобы показать ему худое тело Акелы.

– Хорошей охоты, – сказал Фао, обращаясь к Одинокому Волку, точно тот всё ещё был жив, потом, взглянув через своё искусанное плечо, крикнул: – Войте, собаки, в эту ночь умер волк!

Но изо всей стаи в двести долов-бойцов, которые хвастались, что все джунгли – их джунгли, что ни одно живое существо не может противиться им, ни один не вернулся в Декан, чтобы повторить эти слова.